

[01] ИСПАНИЯ, 1930 Г.

В безликой белой гостиной с неподходящими друг к другу креслами сидели двое подозреваемых — они ждали, когда что-то наконец произойдет.

Их разделяла арка, которая вела к узкой лестнице, лишенной окон: казалось, что темное углубление занимает большую часть комнаты, словно разросшийся до невероятных размеров камин. Посередине лестница меняла направление, скрывая из виду верхний этаж и создавая ощущение, что ведет в темноту и никуда больше.

— Это ад — вот так ждать. — Меган сидела справа от арки. — Сколько обычно длится сиеста?

Она подошла к окну. Из него открывался вид на испанскую деревню невнятного рыжеватого оттенка. В жару она выглядела необитаемой.

— Час или два, но ведь он выпил. — Генри сидел в кресле боком, закинув ноги на подлокотник, у него на коленях лежала гитара. — Мы же знаем Банни, он будет спать до ужина.

Меган перешла к барной стойке и изучила все бутылки, осторожно поворачивая каждую из них этикеткой наружу. Генри вытащил изо рта сигарету и поднес ее к правому глазу, притворяясь, что смотрит на Меган через воображаемый телескоп.

— Нет твоим ногам покоя.

Почти все время с тех пор, как они вернулись после обеда, она расхаживала туда-сюда. Обстановка гостиной — белая плитка на полу, чистые поверхности — напоминала ей приемную врача. Больше верилось в то, что это краснокирпичное здание больницы в Англии, чем странная испанская вилла на вершине обветренного красного холма.

— У меня ногам покоя нет, а у тебя — языку, — проворчала она.

Несколько часов назад они пообедали в маленькой таверне в ближайшей деревне в получасе ходьбы через лес от дома Банни. Стоило ему встать из-за стола после еды, как оба они заметили, насколько он пьян.

— Нам нужно поговорить, — пробормотал он. — Вы, наверное, гадаете, зачем я вас сюда позвал. Я уже давно хочу кое-что с вами обсудить. — Это прозвучало как угроза: в чужой стране оба гостя полностью от него зависели. — Когда доберемся до виллы, без свидетелей.

Обратно до дома они шли почти час. Банни, с трудом взбиравшийся на холм, в своем сером костюме на фоне рыжей земли походил на старого ослика. Мысль о том, что они когда-то вместе учились в Оксфорде, казалась абсурдной: сейчас он выглядел на десять лет старше них.

— Мне нужно передохнуть, — протянул он, запустив их в дом. — Посплю, потом поговорим.

И когда Банни ушел наверх, чтобы переждать там полуденную жару, Меган и Генри упали в кресла по обе стороны лестницы: небольшая сиеста.

Это произошло почти три часа назад.

Меган смотрела в окно. Генри наклонился вперед и посчитал количество квадратов между ними: она стояла по диагонали к нему, на расстоянии семи белых кафельных плиток.

— Похоже на шахматы, — заметил он. — Так вот почему ты все время передвигаешься? Расставляешь фигуры для атаки?

Она повернулась к нему, сузив глаза.

— Шахматы — дешевая метафора. Мужчины используют ее, когда хотят представить обычный конфликт как нечто грандиозное.

Ощущение разлада витало над ними с тех пор, как Банни внезапно прервал их обед. «Нам троим нужно поговорить без местных». Меган снова взглянула в окно: так и есть, ссора — неотвратимая, как непогода: на голубом небе разливалось темное пятно.

— В шахматах главное — правила и симметрия, — продолжила она, — а в конфликте одни грубости и грязное белье.

Генри забренчал на гитаре, пытаясь переменить тему.

— Не знаешь, как ее настроить? — Он нашел ее на стене за креслом. — Я бы мог что-нибудь сыграть, если бы она была настроена.

— Нет, — ответила она, покидая комнату.

Он наблюдал, как она удаляется по коридору: копии ее силуэта в обрамлении дверных проемов последовательно уменьшались. Затем он снова закурил.

— Когда он встанет, как думаешь? Глотнуть бы свежего воздуха. — Она вернулась: самая большая копия внезапно возникла в ближайшем дверном проеме.

— Кто бы знал, — отозвался Генри. — Но прямо сейчас у него то, что положено после сытного обеда. — Она не улыбнулась. — Прогуляйся, если хочешь. Думаю, что бы он ни хотел нам сказать, это может подождать.

Меган остановилась, ее лицо выглядело столь же невинным и непроницаемым, как на рекламных фотографиях. Она была актрисой.

— А ты знаешь, что он нам скажет?

Генри помедлил.

— Не уверен.

— Ладно. Тогда выйду на улицу.

Он проводил ее кивком. Сидя лицом к коридору слева от лестницы, Генри видел, как Меган проходит коридор насквозь и исчезает за дверью. Он продолжил дергать струны гитары, пока не оборвал одну из них и не порезал тыльную сторону ладони.

В эту самую секунду в комнате потемнело, и он инстинктивно повернулся вправо: Меган заглядывала в окно снаружи, и красные холмы позади придавали ее силуэту демоническое сияние. Вроде бы она его не видела: на улице было слишком солнечно. Но он все равно чувствовал себя как зверушка в зоопарке, — прижав ко рту ладонь тыльной стороной, так что пальцы болтались у подбородка, он лизнул небольшой порез.

Меган нашла себе местечко в тени дома.

Забравшись в заросли полевых цветов, она прислонилась к дому спиной и закрыла глаза. До нее донеслось слабое постукивание: тук, тук, тук. Звук шел откуда-то позади нее. Сначала она решила, что это звук гитары проходит сквозь стены, но этот стук был лишен мелодичности. Он был очень слабым, еле слышным, но Меган все-таки явственно ощущала его присутствие, как и камешек в одной из туфель.

Тук. Тук. Тук.

Она повернулась и посмотрела вверх. Сквозь кованую решетку было видно, как в закрытое окно комнаты Банни настойчиво бьется муха. Комната Банни находилась рядом с ее спальней на верхнем этаже. Всего лишь маленькая муха, которая хочет улететь. И тут же Меган увидела, что их две, три, четыре, — целый рой мух пытался выбраться из комнаты. Угол окна

потемнел от их скопления. Меган представила, как они падают на подоконник, мертвые. Она нашла на земле маленький камешек и бросила его в окно: черное облако рассеялось от удара, но из самой комнаты не донеслось ни звука. Она бросила еще один камешек, но разбудить спящего хозяина ей не удалось.

Потеряв терпение, она набрала целую пригоршню камней и бросала их один за другим, пока камни не кончились. Тогда она пошла обратно, обогнула здание, вошла в дом и вернулась по коридору к подножию лестницы, где Генри, испуганный ее внезапным появлением, с грохотом уронил гитару на холодный белый пол.

— Мне кажется, нам нужно разбудить Банни.

Он понял, что она встревожена.

— Думаешь, что-то случилось?

Меган, по правде говоря, скорее разозлилась.

— Думаю, нам нужно это выяснить.

Она начала подниматься по лестнице. Генри следовал за ней, и, когда она увидела что-то, из-за чего остановилась и вскрикнула, он инстинктивно ее приобнял. Если это и была попытка ее успокоить, то неуклюжая: двигаться дальше было невозможно.

— Пусти. — Она отпихнула его и пошла вперед, и, когда ее спина уже не закрывала ему вид, он понял, что именно ее напугало: из-под двери Банни к лестнице, словно указующий перст, тянулась тонкая струйка крови — и указывала она прямо на него.

Столько крови ни один из них раньше не видел. Банни лежал на кровати лицом вниз. Из его спины торчала рукоятка ножа, извилистый красный след шел от нее по кровати. Лезвия было почти не видно — лишь тонкая полоска стали поблескивала между телом и черной рукояткой, как лунный свет сквозь щель в занавесках.

— Прямо в сердце, — сказала Меган.

Рукоятка ножа была похожа на стержень солнечных часов, а мертвое тело невольно отмечало пройденное время.

Она подошла к кровати, стараясь не наступить в лужу крови на полу. Когда она была в шаге от тела, Генри попытался остановить ее:

— Возможно, нам не стоит...

— Мне нужно убедиться. — Как ни абсурдно это было, она приложила два пальца к шее Банни. Пульса не было. Она покачала головой. — Не может быть.

Все еще в состоянии шока, Генри присел на край матраса. Под тяжестью его тела пятна крови начали растекаться, и он вскочил на ноги, словно проснувшись от кошмара. Взглянув на дверь, он повернулся к Меган.

— Возможно, убийца все еще здесь, — прошептал он. — Я обещаю другие комнаты.

— Хорошо, — прошептала Меган в ответ. Поскольку она была актрисой, ее шепот был громким и едва ли не саркастичным. — И проверь, закрыты ли окна.

— Подожди здесь. — Он ушел.

Она попробовала глубоко вдохнуть, но в комнате уже стоял неприятный запах, и предательски жужжащие мухи все еще пытались улететь в обжигающую жару улицы. По-видимому, они уже пресытились телом. Она подошла к окну и приподняла его. Мухи вырвались на свободу и растворились в синем небе, как крупитцы соли растворяются в супе. Пока Меган, похолодевшая от потрясения, стояла у окна, она слышала, как Генри обыскивает соседние комнаты, открывает шкафы и заглядывает под кровати.

Он снова возник в дверях с обескураженным видом.

— Никого нет, — сказал он.

— Все окна закрыты?

— Да, я проверил.

— Я так и думала, — сказала она. — Перед тем как мы отправились обедать, Банни все закрывал как одержимый. Я видела.

— А вон те двери закрыты? — Он указал на балконные двери позади нее. Она шагнула к ним и потянула за ручки. Двери были заперты изнутри сверху, снизу и посередине.

— Да, — ответила она и присела на край кровати, не обращая внимания на растекающуюся кровь. — Генри, ты понимаешь, что это значит?

Он нахмурился.

— Это значит, что убийца, должно быть, ушел по лестнице. Я запру двери и окна внизу. Побудь здесь, Меган.

— Подожди, — начала она, но он уже исчез.

Она слышала, как его босые ноги барабанят по твердым белым ступенькам, будто по клавишам пианино, слышала, как он остановился, когда добежал до поворота на лестнице, и шлепнул ладонью по стене, чтобы затормозить, слышала его шаги по нижнему этажу.

Она открыла ящик прикроватной тумбочки: там не было ничего, кроме белья и золотых часов. В другом ящике лежали личный дневник и пижама. Банни, разумеется, заснул не раздевшись. Она взяла дневник и пролистала его. Последние записи были сделаны год назад. Меган положила его обратно. Затем взглянула на часы.

Сколько еще ей нужно тут сидеть, потакая показному мужеству Генри, прежде чем спуститься и вступить с ним в схватку?

Как только Генри закрывал дверь очередной комнаты, в доме становилось немного жарче. Несмотря на спешку поначалу, сейчас он двигался медленно

и методично, тяжело дышал и проходил каждую комнату несколько раз, чтобы убедиться, что ничего не пропустил. Расположение комнат сбивало его с толку, и он гадал, зачем Банни поселился в таком большом доме в одиночестве. Все комнаты различались формой и размером, во многих не было окон. «И света нет, лишь видимая тьма...¹ Надо полагать, так поступают те, у кого есть деньги», — подумал Генри.

Он вернулся в гостиную и обнаружил там Меган, которая расположилась в его кресле и курила его сигареты. Он ощутил потребность сказать что-то игривое, чтобы отдалить хотя бы на миг столкновение с реальностью.

— Тебе бы гитару и стрижку, и у меня будет полное ощущение, что я смотрю в зеркало.

Меган не ответила.

— Никого, — сказал он. — Тут, конечно, множество дверей и окон. Убийца мог уйти как угодно.

Она медленно опустила сигарету в пепельницу и взяла маленький нож, который положила рядом. Он его прежде даже не заметил — еще один несущественный предмет в этой скудно украшенной комнате. Она встала, направив острое лезвие ему в грудь.

— Не шевелись, — тихо произнесла она. — Стой там. Нам надо поговорить.

Генри шагнул назад, уперся в стоявшее позади кресло и рухнул в него. Она вскинулась от этого внезапного движения, и на секунду он почувствовал себя беспомощным, в отчаянии вцепившись в ручки кресла. Но она осталась стоять там же.

— Хочешь убить меня, Меган?

---

¹ Цитата из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (примеч. перев).

— Только если ты меня вынудишь.

— Я никогда тебя ни к чему не принуждал, — вздохнул он. — Дашь мне сигарету? Боюсь, что лишусь пальца-другого, если попытаюсь добраться до них самостоятельно. Возможно, в итоге мне придется курить свой большой палец, как маленькую сигару.

Она достала сигарету из пачки и бросила ему, он подобрал ее и осторожно зажег.

— Ну что ж, — сказал он, — ты искала ссоры после обеда, но я представлял себе что-то более цивилизованное. В чем дело?

Меган заговорила с уверенностью человека, которому удалось обхитрить врага:

— Ты пытаешься изображать спокойствие, Генри, но у тебя дрожат руки.

— Наверно, я замерз. Может, дело во мне, а может, лето в Испании в этом году прохладное?

— При этом с тебя льется пот.

— А чего ты ожидала? Ты тычешь мне в лицо ножом.

— Нож маленький, ты большой. И он не приставлен к горлу. Ты дрожишь, поскольку боишься, что тебя выведут на чистую воду, а не потому, что боишься боли.

— На что ты намекаешь?

— Что ж, рассмотрим факты. Наверху пять комнат. На всех окнах решетки. Карикатурно толстые черные решетки. В двух комнатах есть двери на балкон, и все они были закрыты. Как и окна. Ты их сам только что проверил. На верхний этаж ведет только одна лестница — вот эта. Все верно?

Он кивнул.

— Тогда, кто бы ни убил Банни, он должен был подняться по этим ступенькам, — она указала на лестницу, поворот которой был скрыт мраком, —

и вернуться тем же путем. А ты сидел здесь внизу с тех самых пор, как мы вернулись с обеда.

Он пожал плечами.

— И что? Ты же не думаешь, что я как-то связан со всем этим?

— Именно так я и думаю. Ты либо видел, как преступник поднимается по лестнице, либо сам поднялся по ней, что делает тебя или убийцей, или соучастником преступления. Но мне кажется, ты провел тут недостаточно времени, чтобы завести друзей.

Он закрыл глаза и сконцентрировался на ее словах.

— Какая чушь. Кто-то мог прокрасться мимо меня. Я не смотрел по сторонам.

— Кто-то мог в полной тишине прокрасться мимо тебя через всю эту белую комнату? Кто же это, Генри: мышь или балерина?

— Так ты правда думаешь, что это я его убил? — До него наконец дошли ее рассуждения, и он вскочил в негодовании. — Но, Меган, кое-что ты упустила. Возможно, я действительно сидел здесь, переваривая обед, но ты, черт возьми, находилась тут одновременно со мной.

Она склонила голову набок.

— Не совсем так. Я помню, что как минимум три раза выходила наружу подышать свежим воздухом. Ты, случайно, не поэтому так много дымил — пытался выкурить меня из здания? Не знаю, сколько времени требуется, чтобы вонзить нож человеку в спину, но мне кажется, это можно сделать довольно быстро. Да и то большую часть времени будешь мыть руки после содеянного.

Генри снова сел.

— О боже, — он попытался устроиться поудобнее, — ты серьезно, да? Мы только что нашли нашего друга мертвым наверху, а ты всерьез предполагаешь,

что его убил я? С чего ты так решила? Потому что я сидел рядом с лестницей? Ты ведь знаешь меня почти десять лет.

— Люди меняются.

— Что ж, это правда. Сейчас я думаю, что Шекспир переоценен, и в церковь я ходить перестал. Но надеюсь, если бы я позабыл обо всех моральных принципах, кто-нибудь сообщил бы мне об этом.

— Не принимай это на свой счет. Я просто сопоставляю факты. Ты был здесь все это время, так?

— Не принимать на свой счет? — Он с недоверием покачал головой. — Ты когда-нибудь читала детективы, Меган? Существует миллион способов, как это могло произойти. Может, здесь есть секретный проход, ведущий наверх.

— Генри, это реальный мир. В реальном мире, если только у одного человека есть мотив и возможность, то он обычно и виновен.

— Мотив? И какой же у меня мотив?

— Зачем Банни позвал нас сюда?

— Понятия не имею.

— А я думаю, имеешь. После пяти лет молчания он пишет нам обоим и приглашает навестить его в Испании. И мы оба несемся сюда. Почему? Потому что он собирался шантажировать нас. Ты, должно быть, знал об этом?

— Шантажировать нас? Тем, что случилось в Оксфорде? — Генри отмахнулся от этой мысли. — Ведь это Банни был за рулем.

— Но и мы были не так уж невинны, правда?

— Это чепуха. Я приехал, потому что он сказал мне, что здесь будешь ты и что ты хочешь меня увидеть. Ни о каком шантаже он не упоминал.

— Его письмо у тебя с собой?

— Нет.